

ЕЩЁ ОДИН ПАРАДОКС ВОСПИТАНИЯ

А. МУРАШОВ

В подмосковном городке открыли спорткомплекс. С бассейном, катком, кортами — ошеломляющей красоты здание, гордо возвышающееся над округой. А напротив — избушка допотопного вида с сиротливой надписью: «Детская художественная школа». Между прочим, это противостояние — обнажение воспитательной проблемы, без решения которой у России будущего просто нет.

Стране нужны сильные, ловкие, смелые — кто поспорит? Но сильный убийца, ловкий шулер, смелый бандит — персонажи нынешнего времени, забывшего в погоне за имиджами всех мастей и цветов о той самой избушке, одинокий след к которой в городке, как того и следовало ожидать, робкой ниткой еле тянулся по снегу. Не будет у России Леонардо да Винчи, пока по экранам и книжкам, торжествуя и сметая всё на пути, будут шествовать «бригады». Не будет Рахманиновых, пока единственной музыкой для девчонки будет вкрадчивый голос экранной путаны, а для мальчишки — визг пилы в отцовском гараже. И Репиных будет травить и уничтожать время, которое загоняет их в избушки, теряющиеся в сугробах, наметённых с отполированного катка, где растят будущих чемпионов.

Стране нужны сильные. Но силён ли тот, чья рука не удержит кисть? Ловкие. Но ловок ли тот, кто не исправит скрипку, издающую в наше время лишь бесильное повизгивание обречённой на вымирание? Смелые. Но можно ли считать смелым того, кто горделиво посматривает на остатки разрушенного им снежного городка, украшенного когда-то тщедушным подростком из соседнего подъезда?

О времена, о нравы

Каждое время ценно тем, что оставит потомкам. И если они, потомки, будут атрибутировать наши годы лишь по количеству бутылок пива, выпитых чересчур сильными, по криминальным хроникам, героями которых неизменно оказываются очень-очень смелые, и по состояниям, нажитым нашими ловкими современниками, — удивление сменится отвращением к эпохе, ничего иного после себя не оставившей и не способной оставить. Нужно что-то иное. Новая «Джоконда», новый Покров-на-Нерли. Или «Война и мир» — но так, чтобы отражать наше время! Очнёмся: ничего этого мы не способны создать! Ибо реклама «Клинского» — не Пабло Пикассо, а рекорды, даже самые отчаянные и дерзкие, — всё-таки не «Героическая симфония».

...Пушкин и Лермонтов погибли на дуэли. Блок умер от голода, Маяковский застрелился. Но они ушли из жизни, успев стать совестью нации. Наверное, успели потому, что не настиг их ничего не говорящий и не объясняющий, но считаю-

щий себя единственно правильным, ненавидящий и карающий взгляд «героя нашего времени», в упор нацеленный на художника и поэта через года, из России наших дней:

— *А ты в армии служил, чмо?..*

Мужчина должен прежде всего быть мужчиной — это аксиома. Женщина — женщиной, тоже никто не усомнится. Но в эпоху «пива с мужским характером» и откровенно уродующих шоу вроде «50 блондинок» мы рискуем получить вместо мужчин — потребителей пива, а вместо женщин — этих самых блондинок. Такого рода программирование опаснее любой войны и эпидемии, оно сокрушает души и судьбы, стирает народы и страны.

Если человек написал книгу, создал картину или сочинил симфонию, он стал выражением своего времени, поднявшись на голову выше современников, не способных на такое. Это знали всегда. И везде. Но — не в России, и в этом — страшная трагедия всего народа. Между тем положение талантливых детей, да и само их существование в современной России — вызов тем, кто серьёзно считает, что ещё понатужиться, понапружить — и каждый, как в колхоз единоличник, войдёт в стройные ряды патриотов и рекордсменов. А всё намного сложнее. Часто вспоминают про то, что шестилетний Моцарт играл на фортепиано и сочинял музыку, а стихи совсем юного Байрона — шедевры, обнаруживающие взрослую мудрость. Вот только Моцарт и Байрон, окажись они в нынешней России, в теряющейся в снегах избушке, виновато торчащей напротив спорткомплекса из стекла и бетона, задохнулись бы, слыша унижения, улюлюканья, свист пролетающих комьев грязи, пока не засыплет их заживо тоннами неурядиц и жизненных проблем, которые таким детям приходится испытать на себе сполна — и оказаться либо на российской помойке, либо среди «социально близких» алкашей.

Как быть? Обозначим вначале проблему, само упоминание о которой — возможность заглянуть в будущее без суеверного ужаса обречённых. Это — отношение к талантливым, а может, и гениальным детям, на которых не рассчитывает «детская» реклама, к которым не обращаются «журналы для подростков», о которых принято говорить в разного рода конкурсах и олимпиадах, а проведя мероприятие, тут же забыть, как о страшном сне, поставив заветную галочку. Просто исконное «подраться и надраться», оставляемое для «массы» творцами глянцевого издания и рекламных роликов, сублимировалось у них иными ценностями. Увы: среди нас, обычных, часто появляются такие дети — и мы теряемся, не зная, вызывать врача или готовить скрижали. Что это за дети, с воспитанием которых не справится прочная, как ледокол, и прямолинейная, как рельс, идея воспитания на здешний лад?

Страна должна быть достойна патриота — это очевидно. Когда же дети, имевшие несчастье родиться талантливыми, «не вписываются» в проектируемые стройные ряды новой жизни, они, становясь самостоятельными, искренне интересуются, как и зачем любить того, кто отвергает тебя, и зачем вообще им нужна страна, которой не нужны они. Лучше уехать в какую-нибудь Америку — там по крайней мере знают им истинную цену! Здесь же такому ребёнку, пока он ребёнок, будут внушать, что надо быть «как все». А когда он поймёт свою полную непригодность к этой особо ценимой здесь добродетели, его «не как все» окажется уже клеймом, ярлыком, и по барабану будет как ему, так и окружающим, какую картину он написал, какую поэму перевёл: куда важнее, умеет ли держать авто-

мат, чисто ли моет тарелки, хорошо ли штопает носки, правильно ли заправляет кровать в казарме. Пока знает себе цену, — он живёт. Как только убедился, что умение заправлять кровать важнее всяких там живописных и прочих экзерциций — он пропадает как человек, к тому же так и не став вождленным «колёсиком и винтиком». — Какие колёсики? Какие винтики? В стране, где каша — «из топора», где «шилом бреются», где «дымом греются», во многое не вкрутиться, не ввинтиться. А крутиться и ввинчиваться и не надо. Достаточно видеть себя «как все». Быть готовым. И не важно, к борьбе за дело какой там партии. Достаточно научиться выполнять приказы, чтобы потом получить долгожданное право их отдавать, считая и себя допущенным к кормилу...

Часто сетуют — нет, мол, у нас современной культуры. Но там, где художник равнозначен идиоту, не умеющему зарабатывать деньги, где на поэта по традиции смотрят как на бездельника, всю жизнь бредущего к своему «Англетеру», а над нищим музыкантом смеются «успешные» обладатели бутылки пива со всех рекламных щитов, там талант превращён в блажь или проклятье.

«Дети-индиго»

Какова она, «совесть России» наших дней? Для одних — реликт уходящей цивилизации, тот редкий человек, с которым можно заговорить на улице, не опасаясь услышать в ответ оскорбление. Для других — лох, стопудово можно «развести на бабки»: он купит на базаре что угодно за двойную цену, и кому придёт в голову, что осуждения в этой ситуации достоин вовсе не он и даже не торговец?

Таких детей где-то уже окрестили «индиго», давая понять специфику цивилизации или расы, идущей на смену тем, что ныне населяют землю. Что такое сегодня «индиго»?

«Они могут видеть то, что не воспринимают обычные люди... Многие из современных деток проявляют способность к предсказаниям будущего или, наоборот, «путешествуют» в прошлое. Эти способности, безусловно, даются не всем. Этот феномен требует изучения...». Такие дети были всегда. Их называли и гениями, и уродами. И вундеркиндами, и шизофрениками. Их боготворили — и травили. В России — чаще травили, поскольку, во-первых, провозглашалось, будто «особенных людей у нас нет», а, во-вторых, этим детям присущи самые разные способности, которые оказывались или чуждыми, или излишними, но уж никак не «социально близкими». Да и вообще — «пусть другой гениально играет на флейте», а у нас и своих проблем предостаточно! И какие из этих гениев «правильные» взрослые, если ходить в ногу, как все, они не умеют? Кроме того, «покамест рано жить без барабана». *А ты в армии служил, чмо?*

Нынешние маленькие гении, «дети-индиго», несостоявшиеся Суриковы и Менделеевы, над которыми вдоволь наглумились в школе «правильные» ровесники и непогрешимые наставники, мчатся домой, в спасительное одиночество, писать картины, сочинять рассказы, выводить формулы — и недоумевать, что такое скрыто у них внутри, если ребята во дворе с искажёнными внезапно лицами бросаются на них, едва увидев, а взрослые из последних сил стараются сдержать нехорошую улыбку. Со временем добавятся окрики учителей, родительские разочарования, полная невозможность как-то определиться в жизни, если вовремя

не отбросил кисти или не хлопнул изо всех сил крышкой пианино. Со временем и сами они предьявят суровый счёт этой жизни с вакханалией тюремных нравов и блатных песен — в стране, от которой они, сами не зная за что и почему, обречены были выслушивать самые грязные оскорбления, самые резкие упрёки, терпеть злые обиды.

*А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу... —*

так было в пушкинские годы. И в герценовские: «Страшная участь уготована у нас всякому, кто осмелится поднять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром». О более близких годах мы знаем достаточно, чтобы выводы делать самим. Даже в годы декларированной борьбы за чистоту нравов всякая попытка сохранить в себе творца, просто человека, воспринималась в стране как оскорбление её статуса и каралась категорически и безотлагательно. И сегодня девчачье стремление выделяться — продолжение, как ни парадоксально, мальчишечьей тяги к униформе. Одни «должны» быть грубыми, материться, плевать сквозь зубы, другие — изучать журналы мод и кокетничать, изображая полных дур. Одним завещано сидеть — на зоне, на дежурстве или в офисе. Другим — стоять: на трассе или на кухне. Но те самые адресаты журналов для одарённых детей или благотворительных программ, которые не хотят, да и просто не могут вписываться в начертанные кем-то схемы, — их куда девать?

Семиклассник стоял у стены, почти вдавившись в неё. С разных сторон к нему медленно приближались ребята-одноклассники, выкрикивая в неизменном, много раз проверенном порядке:

- Ты Христа предал?
- Теперь отвечай!
- Пусть вешается, как тот!
- Гений пархатый!

Теперь, уже далеко от России, он с ужасом вспоминает детство, когда такие «разборы полётов» были почти ежедневно, а виноват он был только в том, что в пять лет играл на аккордеоне, в десять прочитал первый роман Достоевского, а ещё через год поправил учительницу, написавшую на доске: «мотодор».

— Надо было молчать! — сжав побелевшие пальцы до хруста, шепчет он сейчас, а в глазах — мрачная пустота. — Они потом требовали, чтобы я всё время твердил: «Мотодор», чтобы сознался неведомо в чём.

Патриотизм

Сегодня много и справедливо говорят о воспитании патриотов. Но патриотизм невозможен, если страна, в лице своих «социально близких», издевается над «социально чуждыми» с мольбертами, смычками и чертежами; так обречена всякая безответная любовь. Можно по традиции вспомнить про «отдельные перегибы», а можно — о том, что за ними — колымские лагеря с миллионами крестов. О проложенных каналах и возведённых городах, — но и о чиновной резолюции николаевского времени: «Не бывало, чтобы на государевых работах деньги платили». Блатной армагеддон, год за годом Уничтожение того, что чудом осталось от страны и народа, ныне что-то вроде нормы; дедовщина пришла уже

в школы и детские сады, где «стоят на шухере», «гасят чухарей», «дают в глаз», «мочат лохов», — в роли последних, естественно, выступают те самые дети, не сумевшие вовремя скрыть свою одарённость, которые составили бы гордость любого народа, а по здешним представлениям, имеют право рассчитывать только на роль боксёрской груши или нищего академика, разгребаящего в книжном магазине горы никому не нужных Аристотелей и Гегелей.

Наиболее странной и необъяснимой, но лишь на первый взгляд, выглядит позиция взрослых — родителей и учителей, боящихся таких детей как чумы. «Лучше бы училась на двойки, только бы стихов своих не писала, — дурочкой ведь вырастет!» «Денег нет ей на косметику. Да я купила бы — только бы не сидела за своими картинками: кому скажешь — засмеют!» «Зачем ему мандолина? Для чего нужен батик? Ему на девочек надо смотреть!» И такое — повсеместно, как один из российских парадоксов, когда качество жизни страны определяют по количеству миллиардеров, а о патриотизме вспоминают, разглядывая татуировку: «Не забуду мать родную!» Учителям бы радоваться — но ребёнок «не такой, как все». Родителям бы готовиться встречать киношников, а они — в панике оглядываются на психодиспансер.

В ходе социализации дети проходят через самые разные сюжеты, а те самые «индиго», которым положено быть более чувствительными и хрупкими, частую просто не понимают реакции взрослых, считая неадекватное восприятие мнением неопровержимого арбитра. Эта категория детей, обладая «феноменальными способностями» или неизвестно откуда взявшимся гармоническим осознанием мира, тяготится тем, что они — «иные», «не такие», «не похожие». Но это тягостное чувство многократно усиливается, когда взрослые, уже имея привычку стричь всех под одну гребёнку, оставляют рваную рану на душе.

Взрослые не видят и не хотят, а часто и просто не могут увидеть, что у такого ребёнка совершенно другая система координат, разрушить которую, то есть толкнуть его в рамки привычного и предсказуемого, значит загнать в строй, где он не издаст ни звука, кроме тяжёлого грохота башмаков, и ничего не увидит, кроме затылка направляющего. В строй, где марш объединяет, а всякая другая музыка считается проступком, этот строй разрушающим. В строй, на выучку к «Тимохе», марширующему под балалайку.

И нам предстоит определиться, как быть в такой ситуации. Самим почувствовать себя теми, к кому не обращаются рекламные тексты, для досуга которых не шьют модной и удобной одежды, кто не мчится, рассекая звёздные брызги снега, на ослепительно сверкающем снегокате, обгоняя других, чьи родители не способны купить подобное заморское чудо. Эти дети — и «аутизированные», и «интроверты», а для иных и просто — «дебильные». Вот почему так важно понять, что увидеть их, не дать опустить крылья, не сломать судьбу, — наше педагогическое призвание. И что неумение красть — не грех. Как тропа в ту самую избушку с надписью «Художественная школа» — ещё не путь в одиночество и болезни. Но это нужно сначала осознать нам самим, а значит, — оказаться вопреки, не «в команде».

Между тем одарённые дети стали сегодня чуть ли не притчей во языцех: книги о них пишут, журналы им посвящают, конференции — тоже. Но такая «неудобная» тема, как воспитание патриотизма у одарённых детей, не ставится — именно потому, что неудобная. Одарённые, тем более «индиго», — всегда «не в ногу», всегда «иные», им не отведено места ни на скрижалях, ни в анналах. Ни

за какие коврижки не примут они блатной порядок вещей, ибо просто не умеют «мочить», «валить», тем более — подсовывать собственную голову. Им присуще обострённое сознание человеческого достоинства, и всякое покушение на него, тем более — покушение на их право быть честными, бескомпромиссными, иногда до наивности, они воспринимают, как тяжелейший проступок.

Такие дети, со своей бескомпромиссностью, не понимают взрослых, которым присущи конформность, страх за свою карьеру, обывательское стремление быть равнодушными ко всему. Они менее всего думают о себе, часто портят себе жизнь, менее всего склонны вычислять очередную ступеньку на лестнице, ведущей к социальному успеху. Тем более что успех этот сегодня предписано соотносить со степенью агрессивности, которой ребята цвета индиго, будь они мальчишки или девчонки, не обладают ни в малейшей степени. Они просто не могут понять, какое наслаждение может испытывать человек, если ударит, унизит, оскорбит другого. Они не умеют этого, и те «странности», которыми наградила их судьба, проявляются у них отнюдь не только в самом раннем возрасте.

Патриотизм начинается с собственного города, двора, семейного очага. И свои первые пощёчины такие дети получают именно здесь, от людей, с которыми связаны особенно тесно.

Не отягощая себя поиском аргументов, известный русский историк В.О. Ключевский отыскал причину «дураков и дорог», воспроизводимых поколениями с идентичностью клонируемых: «В России нет средних талантов, простых мастеров, а есть одинокие гении и миллионы никуда не годных людей. Гении ничего не могут сделать, потому что не имеют подмастерьев, а с миллионами ничего нельзя сделать, потому что у них нет мастеров». Великий художник слова имеет право на субъективность. Великий знаток людей — на резкость. У учёного право одно — анализировать факты и находить истину, даже если она кому-то покажется субъективной, а кому-то — резкой.

И вновь — слово одному из бывших детей цвета «индиго», который недавно, не доучившись, ушёл из художественного училища:

— Где я жил в детстве? Названия не могу произнести — столько злости там вылилось на меня отовсюду. Мама на работе, а если дома, — «отстань». Отец пьяный, а когда не пьяный, то лупил нас обоих. Одноклассники где-то чем-то торговали, мыли машины, учились борьбе, гоняли мяч. А я ничего не делал, потому что ничего не умел. Клеил только макеты старинных домов, рассказы писал и ещё выпиливал. Песни сочинял — две потом по радио пели. Наконец понял, как от всех отстал: все уже как взрослые, а я дома склеиваю. Мне денег не давали: «Заработай. А сейчас рано, наркоты купишь». Так я узнал, что такое наркота. Отец сказал, что не потерпит дурака и лентяя, и я выпрыгнул в окно, но только переломал руки и ноги. А когда был в гипсе, отец говорил, что место мне в психушке. Сидеть я долго не могу, и сейчас пою в электричках, играю на гитаре. А в переходах — на виолончели. А где живу, — не спрашивайте. Понимаю, отец во всём прав, но быть рядом друг с другом мы не можем.

Не такие, как все

Преуспевающий владелец магазина из спецшколы и не смеющий поднять глаз учёный-математик — это приговор обществу, где наизнанку вывернуты

представления о таланте, уме, нравственности. И ребёнка, этим обществом отторгаемого и предаваемого, патриотом сделать удастся, лишь если необратимо подорвать его личность, сделать слепым и глухим. А главное — оборвать в его памяти мир, обрушивающийся на него с непонятной и неизбывной злобой, заставляя вздрагивать при одном упоминании про город, в котором он жил в детстве. Вектор, который должен в складывающемся обществе мотивировать личностные приоритеты, установлен. Сверкают огнями клубы, заманивают вип-публику сияющие казино, в эфире звучат названия популярных групп, должны внушать, программировать, утверждать: *«Ночные волки», «Хищник», «Тигры», «Люди-пауки» перемежаются «женщинами-кошками», «мужчинами-быками».* Символический «весёлый зоопарк», разверзающий пасти и скалящий зубы, пополняется хищниками на футболках, постерах, капотах машин, раздувающихся от сознания своего величия. На этом фоне «индиго», они же — бледнолицые от книг «ботаны», «шнурки», «аккуратисты», «патриоты» получают насмешливо-иронические клички, противопоставляющие их многоцветному миру героев-«экстремалов», «волков» и «хищников» — в недавнем прошлом — хулиганов, как и во всём остальном мире.

Заведомая талантливость всегда выделяла детей-индиго среди остальных. И отделяла от них, приводя к важнейшей проблеме таких детей — невозможности социализироваться, часто — и просто общаться. В нынешней России многие такие дети обречены: талантливость всегда отнимала у них столько энергии, что как раз физических и сексуальных сил — того, что у нас считается важнейшим в «социально успешном» человеке, — у них значительно меньше, чем у сверстников.

Детей-индиго на Западе называют «золотыми младенцами» — по их резко выдающемуся IQ, способному обеспечить взлелеявшим их странам политическую мудрость и экономическое процветание. У нас же заведомо талантливые ребята живут во враждебном им мире, а чтобы положение изменилось, нужны высокая культура и цивилизованность, совсем не входящие в планы манипуляторов сознанием. Главная педагогическая проблема таких детей, порождающая остальные, — их эгоизм как результат затруднённой, почти невозможной социализации. Дети, живущие иными предпочтениями, чем окружающие, капсулируются в своём мире, не находя ни понимания, ни возможности полно и адекватно восприятию выразить себя самих. Кроме того, возникает ситуация «один в ногу, а все не в ногу», когда ребёнок начинает оценивать мир и своё в нём место системой предпочтений, встречаемых везде; к нему приходят болезненная неуверенность в себе, «понимание» того, что правы окружающие, считающие его слабым и бесполезным, а потом — заведомым неудачником, обречённым на жалкое одинокое прозябание. Если он не успевает редуцироваться, принимая маску «стандартного», — неминуемы депрессия, аутизм, рефлексивные попытки понять себя и других, принимающие форму самобичевания и — как следствие — самоотрицания.

Такие дети крайне эгоистичны, и качество, наиболее ценное в мире бизнеса, — «умение работать в команде» — им совершенно не присуще. «Индиго» до зрелых лет сохраняют в себе детей, с непосредственностью их взгляда и умением говорить лишь о себе, сводя всё к собственным заботам и проблемам, — реликтам эгоцентрической речи ребёнка. Было бы странно, не окажись такие дети

эгоистами. Ведь не находя, а со временем и не пытаясь найти тех, кто мог бы их услышать и понять («Гляжу вперёд — там нет души родной!» — 15-летний Лермонтов), дети такого рода замыкаются в себе, их гипертрофированный эгоизм — попытка ответить на вынужденную изоляцию и защититься, заслониться от упреков в несостоятельности, которые приходится выслушивать и испытывать. Правда, на ранних этапах школьного обучения, вдохновлённые ещё и родителями одноклассников, видящими в них воплощение всех школьных добродетелей, дети-индиго включаются в бурную социализацию, поначалу с удивлением открывая, что знают и умеют гораздо больше одноклассников, а потом и принимая как должное лидирующие позиции. Но с началом полового созревания они либо, оставаясь лидерами, изменяют тому духовному облику, что обусловлен их необычайными способностями, либо оказываются теперь уже в окончательной изолированности, культивируя эгоизм как оправдание, а он становится саморазрушением.

Эгоизм таких детей — ещё и результат осознаваемой ими «непохожести», и сублимирующее средство самозащиты, в которой им отказано абсолютно. Эгоизм — сигнал о резко неадекватном, изменяющемся от гипертрофированного до минимального, уровне притязаний и самооценки. Так точно фанаберические заявления у таких детей свидетельствуют, наоборот, о резком неприятии самих себя, стремлении изменить чувство «я» в соответствии с сигналами извне. Понимая это, важно осознавать, что многие их психологические деформации — следствие искажённой социальной оценки, всё непохожее сводящей к патологическому и не имеющему права на существование.

Детям-индиго важно знать не только о том, что они болезненно-чувствительные эгоисты; между тем именно такая характеристика приводит их к полной изоляции. Взрослые, в том числе родители и педагоги, видя эгоцентризм таких ребят, избегают говорить об их реальных возможностях, употреблять применительно к ним понятия «талантливость», даже — «одарённость». Чтобы «не загордились», часто мотивируют их адаптироваться и редуцироваться к окружающим, т.е. преодолевать именно те черты, которые их выделяют. В результате ребёнок преодолевает себя, начинает соответствовать некоему «стандарту», т.е. пытается любить заведомо ненавистное и принимать неприемлемое, что компенсируется бурным ростом всевозможных «комплексов» и полной потерей адекватного чувства «я», вплоть до утраты чувства самосохранения. Между тем, усомнившись в себе, ребёнок-индиго обречён считать себя ничтожеством, одержимым «гордыней», в то время как она и составляет стержень человеческой личности, и неудивительно, что теперь он ведёт себя либо как посредственность, либо как потерявший себя и мятущийся по жизни несчастливый. Талант важно поддержать, а для этого он должен знать, что он — талант, и рассчитывать на соответствующий психосоциальный статус и на востребованность, позволяющую развивать личностные потенциалы. Там, где боятся, что ребёнок «возгордится», лишая его последних спасительных аргументов, позволяющих противостоять неприязни и ненависти, он погибает, для начала превращаясь в рефлективно-болезненное существо, считающее себя, и не без оснований, бременем и объектом остракизма.

Осознание себя «иным», постоянный поиск нужной «маски» или другого средства защиты лишает детей-индиго какой-либо устоявшейся системы пред-

почтений и ценностей. Но часто оказывается, что они не подозревают о наличии сверхспособностей у себя, видя в них своеобразную «точку отсчёта», а, отставая от одноклассников — на турнике, от однокурсников — в успехе у противоположного пола, от взрослых ровесников — в материальной обеспеченности, бывшие дети-индиго приходят к выводу о собственной никчёмности, болезненности, ненормальности. В системе навязываемых сегодня приоритетов такие представления достигают уровня суицидальной готовности. Очевидно, поэтому, повинувшись чудом уцелевшим остаткам инстинкта самосохранения, они и стремятся уехать из страны.

Теперь, когда нас зовут к экранам телевидения, когда многочисленные постеры заывают в гипер- и мега-, а языком массы заговорила сцена и литература, читать стало... дурным тоном. И речевая грязь, и поведение дикаря сегодня не проблемы языкознания или педагогики: сегодня — ориентация на массу, которая, противопоставляя свою агрессивную сплочённость («Работай в команде!», «Это НАШ характер!») бессилию сохранившихся «индиго»-одиночек, не терпит того, что способно помешать её самоубийственному маршу. Говорить «культурно»? Задуматься о себе и мире вокруг? Вспомнить, что ты человек, наделённый мыслью? — всё это означает бросать массе вызов, а такое не прощается, карается шельмованием и уничтожением, точнее, самоуничтожением.

Философ В. Разумный подводит грустный итог: «Истинно сказано: в России не любят талантливых, незаурядных людей, забывают и их дела, и их творения... Мы... первооткрывателей и первопроходцев, каждый из которых в другой ситуации был бы гордостью целой страны, преуспешно предаём если не остракизму, то забвению».

[27 - 36]
Концепции
и системы

56